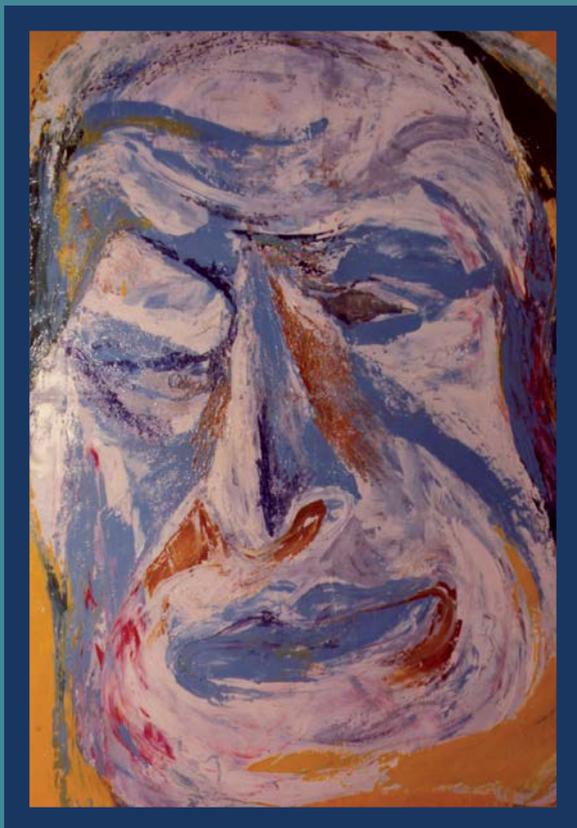

Александр Матлин

Американец
Майкл Гросс

Александр Матлин

Американец Майкл Гросс

Повесть, рассказы

Бостон • 2026 • Чикаго

Александр Матлин

Американец Майкл Гросс. *Повесть, рассказы*

Редактор Юлия Рац

Alexander Matlin

Michael Gross, the American. *A Novel and Short Stories*

Edited by Julia Ratz

Copyright © 2025 by Alexander Matlin

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-06-2 (hardcover)

ISBN 978-1-970342-07-9 (softcover)

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Book Design and Layout by Bagriy & Company | Chicago, IL

Дизайн обложки: Софья Шиллер

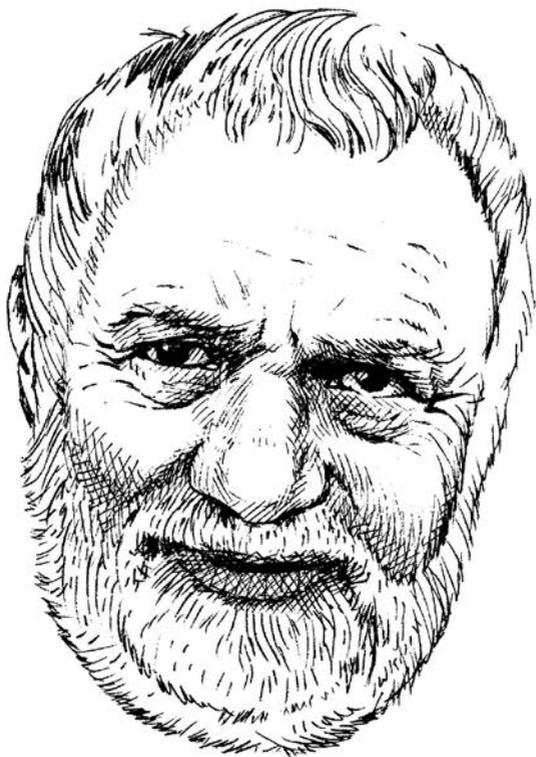
Cover Design by Sophia Schiller

Портрет автора: Вальдемар Крюгер

Portrait of the author by Waldemar Krüger

Printed in the USA

*Эмме –
моей многолетней единственной.
Спасибо за нашу жизнь!*

Александр Матлин по профессии — инженер-строитель, специалист по морским портам и водным путям. В этом качестве он проработал пятнадцать лет в Москве, а затем более сорока лет в США, куда эмигрировал в 1974 году.

Помимо проектирования причалов, в Москве Александр занимался тем, что писал сатирические рассказы и фельетоны, которые публиковались в советской периодической печати, главным образом в журнале «Крокодил». В начале 1970-х в популярной серии «Библиотека Крокодила» вышла книжка сочинений Матлина с портретом автора. Вот её исчезающие следы:

Эта книжка стала самой важной вехой в жизни Матлина: гонорара за неё хватило на то, чтобы оплатить выездную визу и отказ от советского гражданства — необходимые условия расставания с победившим социализмом. Как говорят в Америке, это было *the best money can buy* — самое лучшее, что можно купить за деньги.

В Соединённых Штатах Матлин успешно продолжал свою инженерную карьеру. Благодаря ей он смог побывать во многих уголках планеты, и отголоски этих путешествий порой находят отражение в его литературном творчестве.

Сочинения Матлина публикуются в русскоязычных газетах и журналах в Америке, Канаде, Израиле и Германии. Многие из них бесконтрольно бродят по интернету, зачастую без имени автора. Рассказ «Моя первая работа в Америке» и стихотворение «Поэма о дружбе» стали русским эмигрантским фольклором.

За годы жизни в Соединённых Штатах Александр выпустил пять книг своих сочинений, включая рассказы, стихи и две повести.

СОДЕРЖАНИЕ

АМЕРИКАНЕЦ МАЙКЛ ГРОСС. <i>Повесть</i>	11
ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ. <i>Рассказы</i>	
Тайна Дарьи Часовитиной	133
Дядя Арон	149
Моя археология	153
Моё еврейское образование.	161
Парижская коммуна моего детства	165
Долгожданная встреча с другом	174
Визит президента США Рональда Рейгана к моим родителям.	182
Калаалит Нунаат	188
Удивительная страна Китай.	200
Великий Вэн Клайбёрн: три встречи	213
Мой брат Вадик	219

АМЕРИКАНЕЦ

МАЙКЛ ГРОСС

Повесть

Моего героя зовут Майкл Гросс, или мистер Гросс, или просто Майк. К одноимённому голливудскому актёру он не имеет никакого отношения. Когда-то его звали Михаил Исакович Гройсман, или просто Миша, но теперь об этом уже никто не помнит, кроме него самого, да и сам он тоже то ли не помнит, то ли делает вид, что не помнит.

В соответствии со своими именами, герой этого повествования живёт в двух временах—настоящем и прошедшем, которые проще определить как *ТЕПЕРЬ* и *ТОГДА*. До третьего времени—до своего будущего—он пока не дожил, хотя оно вполне предсказуемо. И вот, поняв это, мы становимся на его место, одной ногой в *теперь*, а другой—в *тогда*. В дорогу, читатель!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ТЕПЕРЬ

1

Вызов к начальнику, как правило, не сулит ничего хорошего. Майк усвоил это с первых шагов своей продуктивной жизни. Поэтому, когда ему по местной линии позвонил мистер Шульман, он же Боб, и сказал «зайди ко мне», Майк мысленно выругался. Вслух он сказал:

— Боб, это важно? У меня тут...

— Это важно, — сказал Боб и положил трубку.

Мистер Шульман располагался в угловом кабинете, как полагается начальнику отдела. Кабинет Майка не был угловым (где столько углов наберёшь?), но находился рядом с кабинетом мистера Шульмана и имел окно, выходившее, так же, как и у мистера Шульмана, на Шестую авеню. Это говорило о том, что Майк, а для многих мистер Гросс, тоже не лыком шит и несёт на себе гордую печать главного инженера отдела, второго человека в цепи служебной иерархии.

— Закрой дверь и садись, — сказал Боб. — Ты слышал об этих делах в Лондоне?

— Что, опять теракт? — испугался Майкл.

— Наше лондонское отделение можно поздравить, — сказал Боб, и глаза его заблестели. — Они выиграли большой проект для... угадай, для кого. Угадал, для «Сексона». Это, учти, если не самая большая нефтяная компания в мире, то по крайней мере в пятёрке крупнейших.

— Чудесно, — сказал Майк, всё ещё не понимая, почему это известие так осчастливило начальника. — А мы тут при чём?

— Мы, может, не при чём. А вот лично ты — даже очень при том и при сём. В нашем предложении ты был заявлен как лидер проекта. «Сексон» выбрал нас, потому что ты — самый подходящий лидер. Во-первых — специалист по морским сооружениям, во-вторых — говорящий по-русски. Это — как попадание в десятку. В нашем Лондонском отделении подобных специалистов нет, и они там писают кипятком от счастья, что нашли такого уникального работника. Кстати, ты правда говоришь по-русски?

— Правда.

— Как ты этому научился?

— Постепенно, — объяснил Майк. — Сначала сказал «мама», потом «папа», а дальше пошло матом. Зачем им надо, чтобы я говорил по-русски?

— Это одно из требований «Сексона». Проект в России. Они нанимают нас как проектировщика с последующим возможным авторским надзором за строительством. Одно из условий контракта — квалификация руководителя проекта. Он должен иметь не менее десяти лет опыта в этой области и говорить по-русски. Ещё одно условие: проект должен выполняться в России, на русском языке и по русским стандартам. Понимаешь?

— Не очень, — сказал Майк, который на самом деле всё понял и внутренне сжался, готовясь к защите. — При чём тут я? У меня полно работы, и меня вполне устраивает моя должность.

— Нет, ты не понимаешь, — мистер Шульман нахмурился. — Этот проект — на много лет и много миллионов. Ради него мы готовы пожертвовать тобой как главным инженером отдела. Поедешь в Россию, на свою родину. Для начала на полгода, а там будет видно.

— Я не хочу на родину, — сказал Майк. — В Лондон — ещё куда ни шло.

— Слушай внимательно, прежде чем отказываться. На время твоего пребывания в России тебе удваивается зарплата. Плюс — три тысячи евро в месяц на текущие расходы. Плюс —

оплаченная квартира в Москве. Ты будешь работать в Москве, в филиале нашего лондонского офиса, с возможными вылетами в районы, так или иначе связанные с проектом, то есть на Сахалин, во Владивосток и в Находку. Теперь согласен?

— Не согласен, — сказал Майк.

— Разрешаются полёты бизнес-классом, — продолжал мистер Шульман. — Плюс тебе оплачиваются поездки в Штаты на неделю каждые два месяца. Бизнес-классом. Плюс...

— Не согласен, — сказал Майк.

Мистер Шульман вздохнул и обречённо покрутил головой.

— Тогда слушай ещё внимательнее, — сказал он. — Если мы не назначим тебя руководителем этого проекта по крайней мере на период проектирования, то есть на первые полгода, мы эту работу потеряем. Как, ты думаешь, на это отреагирует наше высшее корпоративное руководство? Легко догадаться: выгонит тебя с работы. И ты уже никогда не устроишься по специальности, потому что все требуют отзыва с прежнего места работы. Как тебе нравится такая перспектива? Так что, подумай как следует и скажи...

— Уже подумал, — сказал Майк. — Я согласен. Жену можно взять с собой?

— Бери кого хочешь. Хоть жену, хоть любовницу, хоть любовника. За свой счёт, конечно. Поздравляю с новой позицией! Ты принял правильное решение.

2

Дома пахло чистотой, уютом и пиццей с грибами. Майк решил не портить обеденное настроение, дождался десерта и только тогда сказал жене:

— Хочешь переехать на полгода в Москву?

— В Айдахо? Чего ты там не видел?

— Нет, не в Айдахо и не в Канзас. В настоящую Москву, в Россию.

Жена посмотрела на Майка долгим изучающим взглядом.

— Ты что, соскучился по своей родине?

— Нет, Кэрол, по родине я не соскучился, — сказал Майк, хихикнув. — Как видишь, почти сорок лет прекрасно обхожусь без неё. Но бизнес есть бизнес. Иначе я потеряю работу.

— Между прочим, у меня тоже есть работа, и я тоже не хочу её терять. И вообще, что мне делать в России? По-русски я не говорю, к их еде не привыкла... Так что решай сам. Если не можешь открутиться — поезжай один. Только смотри, не заведи там какой-нибудь русский роман.

— Можешь не беспокоиться, — сказал Майк. — Я буду слишком занят. Кроме того, я буду приезжать домой каждые два месяца. И, наконец, мы можем говорить по телефону или Скайпу хоть каждый день. А пока что налей мне полчашки чая...

3

...Путь Майка в Москву лежал через Лондон, где ему надлежало познакомиться с его новым начальством. В лондонском офисе Майк никогда не бывал, никого там не знал, но его встретили, как героя. Незнакомые люди трясли ему руку, хлопали по плечу и поздравляли с новым назначением. Девушки улыбались американцу порочно-застенчивыми улыбками. Какой-то немолодой полноватый джентльмен с матовой лысиной с разбега бросился на Майка, по-родственному обнял его за плечи и увлёк в свой кабинет, уставленный книжными полками и фикусами в горшках. Там он усадил Майка на диван и представился:

— Я — Тимоти Слик. Можете звать меня Тим. Я менеджер проекта «Док 2», на котором вы будете работать как главный инженер. Вы — полноправный хозяин проекта. Вы будете в Москве, а я в Лондоне. Вы будете работать, а я — стричь купоны и принимать похвалы.

Тут мистер Слик залился счастливым смехом и стал хлопать Майка по спине, словно выколачивая из него пыль. Майк не понял, что так развеселило мистера Слика, но на всякий случай сдержанно улыбнулся. Рабочий день подходил к концу. Глянув на часы, мистер Слик предложил Майку пообедать вместе в турецком ресторане «Вей Измир».

— Самая лучшая английская кухня—это турецкая, не считая индонезийской,— пояснил он и снова расхохотался. Майк подумал, что мистер Слик должен быть очень счастливым человеком.

В ресторане царила интимная полутьма. Метрдотель принял Слика и его гостя, как близких друзей, усадил за самый лучший столик у окна и, заговорщицки улыбаясь и подмигивая, сообщил, что сегодня у них «специал» *хочем кебаб*. А из секции закусок он настоятельно рекомендует попробовать знаменитое блюдо их ресторана *гефилте шримп*. Сделав заказ за себя и за своего гостя, мистер Слик погрузился и сказал:

— Майк, я должен вам кое-что объяснить. Наше московское отделение, где вам предстоит работать, существует довольно давно. Там постоянный штат от пятнадцати до двадцати человек, все местные. Можем называть их русскими. Они, в большинстве, инженеры, но в ваших морских делах ничего не смыслят. Скорее всего, вам придётся искать помощи на стороне. Единственный «нерусский» там—это их начальник, менеджер офиса Патрик МакТригер. Он ирландец. Он немного говорит по-русски, но я вам советую общаться с ним только по-английски, хотя его ирландско-английский вам будет так же трудно понимать, как его русский. Но главное не это. Есть две темы, которых в его присутствии нельзя касаться: банки и врачи. При упоминании любой из них он начинает нервничать, возбуждается и, если его вовремя не отвлечь, приходит в состояние крайнего неистовства. Вам следует об этом всё время помнить, чтобы не пришлось вызывать полицию или карету скорой помощи.

— Послушайте, мистер Слик... — заговорил Майк.

— Тим.

— Хорошо. Послушайте, Тим, какой смысл было вашему отделению нанимать человека с такими... э-э... странностями? Неужели нельзя было найти...

— В том-то и дело, что нельзя было, — перебил Тим. — Никому не охота обрекать себя на бессрочное заточение в той стране. Патрик МакТриггер оказался единственным, и то лишь потому, что русские никогда не говорят о банках и очень редко — о врачах. Среди них он чувствует себя спокойно. А вообще, Патрик — человек мирный и вполне разумный, разве что чересчур подозрительный. Кстати, имейте это в виду тоже. Он будет подозревать вас всегда и во всём. Но вы к этому привыкнете.

Тим и Майк доели свои кебабы, которые оказались необыкновенно вкусными, но совершенно не подвластными человеческим жевательным способностям.

— Ещё кое-что, — сказал Тим, пытаясь дожевать свой кебаб. — Вы когда-нибудь работали среди русских?

— Конечно. Я ведь в молодости жил в России.

— Это не в счёт. Я имею в виду: вы когда-нибудь работали или просто находились в среде русских, будучи американцем?

— Никогда, — признался Майк. — Среди аргентинцев работал. Среди китайцев тоже.

— Тогда имейте в виду: они ненавидят Америку и американцев. Это им годами вбивают в головы. Но работа есть работа — они этого не смеют показывать. Всё-таки они сотрудники западной фирмы. Они будут с вами безупречно вежливы, но вы не почувствуете в них расположения или просто человеческой теплоты. Они не будут вам задавать вопросов и касаться тем, выходящих за рамки работы или, в лучшем случае, советов, как куда проехать по городу. Тот факт, что русский — ваш родной язык, их не привлечёт, а скорее усилит неприязнь к вам. Добавит что-то вроде ревности.

— Мне кажется, Тим, что вы преувеличиваете, — сказал Майк. — Всё-таки люди есть люди. Я вырос среди русских, я их помню. То, как вы их описываете, им совершенно не свойственно.

— Возможно, — охотно и даже с радостью согласился Тим. — Желаю вам успеха и удачи. Звоните, когда возникнут проблемы.

4

Москва ошарашила Майка полным крушением его ожиданий. Скорее всего потому, что он не знал, чего ожидать. Где-то в закоулках памяти таились места его юности — Арбатские переулки, Кропоткинская улица, которая была когда-то Пречистенкой, а потом снова стала Пречистенкой, с её облупленными, но всё равно красивыми особняками, и Метростроевская, бывшая Остоженка, снова ставшая Остоженкой. Они редко выходили на свет из тёмных уголков воспоминаний, а всё остальное время их как бы вообще не существовало. И тут вдруг оказалось, что всё это есть на самом деле, разительно знакомое и в то же время не такое, каким ему надлежало быть. Знаменитые особняки теперь были не облупленными, а идеально чистыми, какими-то стерильными, и от этого они почему-то переставали быть красивыми и настоящими. Кое-где между ними втискивались нахально разукрашенные современные строения. От этого старая, с детства знакомая улица становилась похожей на декоративный Диснейленд.

Майк поселился в районе Арбата, в Староконюшенном переулке, в месте, которое он выбрал из числа предложенных ему вариантов. Квартира была на втором этаже старого трёхэтажного дома, с окнами, выходившими во двор. Дверь в неё была обита листовым железом и запиралась на два замка длинными, увесистыми ключами. Квартира состояла из двух ничтожного размера комнат — гостиной и спальни, маленькой ванной и совсем уж крошечной отдельной уборной, в которую, в случае соответствующей необходимости, нужно было пятиться задом, иначе не развернёшься. Кухни не было; вместо неё в углу гостиной помещалась настольная газовая плита на две конфорки. Всё в квартире было стерильно чистым. В спальне

на тумбочке ютилась вазочка с пластиковой гвоздикой и при-
слонённой к ней открыткой, которая на правильном англий-
ском языке извещала, что агентство «Семейная радость» до
смерти радо принять вас в своё тёплое лоно.

На второй день после прибытия в Москву Майк пришёл
в офис, где ему предстояло работать следующие полгода. Офис
располагался недалеко от станции метро Новослободская и за-
нимал второй этаж высотного многоквартирного здания. Пе-
ред дверью офиса за стойкой сидела скучающая молодая блон-
динка, которая, не улыбаясь, сказала:

— Are you mister Gross?

И добавила по-русски:

— Я так и думала.

В дальнейшем Майк много раз замечал, что в России люди
почему-то не улыбаются, даже молодые женщины и даже в тех
ситуациях, когда улыбка, как ему казалось, была необходима.

— Проходите, — сказала блондинка. — Мистер МакТригер
вас ждёт. Его кабинет второй справа. Меня зовут Даша.

Патрик МакТригер принял Майка с радостью и как-то сует-
ливо. Он вскочил из-за стола, но тут же сел, потом опять вско-
чил и начал передвигать стулья, словно пытаясь решить, на
какой из них посадить гостя. Это был среднего роста и сред-
него возраста худощавый, начавший лысеть шатен со светло-
карими беспокойными глазами. Он смотрел собеседнику в гла-
за и при каждом слове слегка кивал. С его лица не сходила лёг-
кая полуулыбка. Этот человек показался Майку симпатичным.

Первое, что спросил Патрик, было:

— Как вам понравилась ваша квартира?

И, не дожидаясь ответа на вопрос, добавил:

— Если что-то не так, можете винить меня, это я выбирал
квартиру. Правда, в том районе, где вы хотели жить, выбор
был всего из одной.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — поспешно сказал Майк, —
квартира прекрасная и удобно расположена. Кстати, вы не знае-
те, где там поблизости есть банк? Мне надо перевести...

В следующий момент Майк понял, что совершил ошибку. Улыбка слетела с лица Патрика, он помрачнел и заговорил изменившимся тоном:

— Зачем вам банк? Эти банки — сплошное жульё. Они только и думают о том, как вас половчее ограбить! Они...

Голос Патрика набирал громкость, его ноздри начали раздуваться, как у зверя, почуявшего добычу.

— Я с вами совершенно согласен, — сказал Майк как можно мягче. — Вообще, мне не очень нужен банк...

Это была ещё одна ошибка. Повторное звучание слова «банк» окончательно вывело мистера МакТригера из равновесия. Лицо его побагровело, и он стал стучать кулаком по столу, выкрикивая срывающимся голосом:

— Это бандиты! Мафия! Берегитесь! Держитесь от них подальше!..

Тут, к счастью, на столе Патрика зазвонил телефон, и он вынужден был прервать поток своего гнева. Поговорив по телефону, он успокоился, к его лицу вернулся нормальный цвет, и он сказал:

— Пойдёмте, я покажу ваш кабинет.

По своей планировке офис оказался поразительно похожим на все офисы, в которых когда-либо бывал Майк. Вдоль одной стены располагались закрытые кабинеты с дверями и окнами, коих было пять, вдоль другой — полузакрытые индивидуальные «кубики» без окон, а в пространстве между ними — ряды столов, за которыми сидели — все лицом в одном направлении — молодые люди, так называемый рядовой персонал. Это были инженеры и техники, терпеливо ожидавшие своего повышения по службе с перемещением в кубик.

Патрик провёл Майка по всему офису в порядке субординации, представляя его на своём корявом русском как «инженера из Америки, который будет работать на новом проекте». Сотрудники, не улыбаясь, кивали. Те, что помоложе, отвечали по-английски «nice meeting you», остальные кивали молча. Молодые удивили Майка своими именами. Вместо привычных,

знакомых ему с детства Саш, Вить, Тань и Марин они называли себя именами, которые Майк знал только по классической русской литературе и народным сказкам, а то и вовсе никогда не слышал. Мужчин звали Егор, Пахом, Тихон, Пафнутий, а женщин Дарья, Лукерья, Авдотья, Пелагея. Одного мужчину звали совсем уж невероятным именем: Агафангел, по отчеству Иакович. Агафангел Иакович был главным финансистом московского отделения и занимал один из кабинетов по соседству с Майком. Знакомясь с ним, Майк не удержался, чтобы не заметить:

— У вас очень необычное имя.

На что Агафангел с удовольствием отвечал:

— Это старое русское имя, из святцев. Оно значит «добрый вестник». Спросите любого нашего сотрудника, и он подтвердит, что имя моё как нельзя более подходит к моей должности. Знаете почему? Потому что они два раза в месяц получают от меня добрую весть о том, что им начислена зарплата.

Тут он расхохотался, стал хлопать Майка по плечу и приглашать его заходить почаще поболтать о том о сём.

Кабинет, отведённый Майку, ему понравился. Здесь было всё, что нужно для предстоящей работы: большой письменный стол, кресло на колёсиках, телефон, компьютер. На стене висел русский календарь с пейзажами родных просторов, который Майк заменил на свой, привезённый из Америки, с американскими флагами, портретами президентов и датами праздников, включая еврейские. На стол он поставил фотографию жены в рамке, и на этом освоение новой территории закончилось. Начинались новые будни.

5

С первых же дней своей московской жизни Майк почувствовал привычный ритм трудового однообразия. Это создавало душевный комфорт, несмотря на незнакомую и порой неприятную среду. За долгие годы жизни Майк побывал во многих

странах и везде чувствовал себя спокойно и уверенно. Заграница есть заграница. Люди говорят на языке, который он не понимает, и это его не беспокоит. С ним они говорят по-английски. Тут же всё казалось каким-то сюрреалистическим. Люди говорили на его родном языке, и всё равно это была заграница в не меньшей степени, чем какой-нибудь Китай или Аргентина.

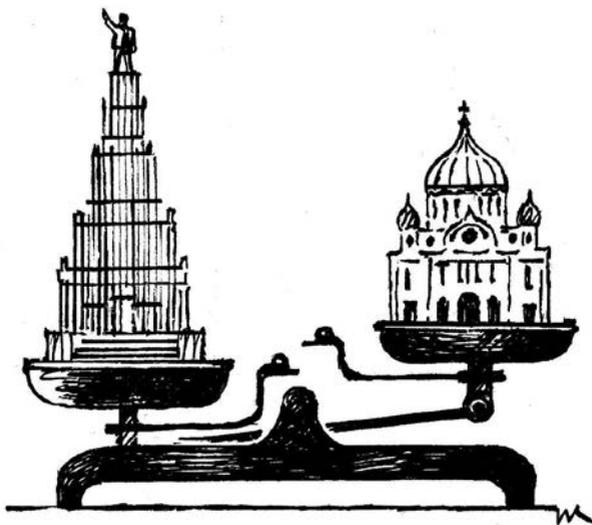
По утрам Майк одевался «формально», как говорили дома, то есть надевал пиджак и повязывал галстук, и ехал на работу на метро. Дорога от дома до станции метро занимала минут десять. Он проходил по тихому Староконюшенному и сворачивал на почти такой же тихий Сивцев-Вражек, который упирался в Гоголевский (бывший Пречистенский) бульвар. Майк вырос в этом районе и теперь сквозь пелену ушедших лет с удивлением вспоминал забытые в юности названия. Когда-то они, старшеклассники, после уроков гуляли по этому бульвару, спорили о проблемах мироздания и «клеили» прохожих девочек.

Теперь на бульваре, как раз напротив Сивцева-Вражека, громоздилось нечто, вызывавшее у Майка почти физическое отвращение. Это был памятник писателю Шолохову. Нобелевский лауреат, известный как сталинист, антисемит и плагиатор, в задумчиво-философской позе сидел в лодке, очевидно, плывущей по тихому Дону, а позади него были натканы лошадиные головы. Это означало, что лошади переплывают реку. На лошадиных головах и между ними обычно сидели или полулежали подростки, которые курили и пили пиво из банок.

По Гоголевскому бульвару Майк проходил к станции метро «Кропоткинская». Здесь сливались потоки пешеходов с разных направлений, образуя беспорядочное людское месиво. Майк без труда в него втискивался и вместе с толпой спускался на платформу. Оказалось, что он помнил эту станцию и помнил её прежнее, времён его ранней юности, название — «Дворец Советов».

Майк разглядывал лица окружавших его людей и думал о том, что, скорее всего, мало кто из них помнит это название и знает, что такое Дворец Советов. Этот дворец торжествовал

на плакатах, почтовых марках и в школьных учебниках, о нём вещало несмолкаемое радио и пели пионеры. На самом деле никакого дворца не было, но страна им заранее гордилась. Он должен был заменить отсталый в своей замшелой религиозности храм Христа Спасителя и поразить мир непревзойдённым величием. Его захватывающая дух высота венчалась статуей Ленина с простёртой рукой и указательным пальцем, которым Ильич указывал человечеству путь к светлому будущему, а то ещё пойдёт не туда куда надо. От мальчишек во дворе Майк, тогда ещё Миша, слышал, что размеры Дворца Советов будут такими невообразимыми, что в указательном пальце Владимира Ильича разместится библиотека. Это захватывало Мишино детское воображение.

Огромное пространство, отведённое для строительства будущего Дворца Советов, было огорожено дощатым забором. Через его щели можно было видеть котлован с лужами воды на дне. От котлована несло гнилью. В послесталинские годы про Дворец Советов незаметно забыли, и на месте котлована

построили бассейн, куда Миша с друзьями ходил купаться, благо было недалеко от дома. Ещё позже на месте бассейна с гордостью и неподдельным энтузиазмом построили новый храм, точь-в-точь как тот, который раньше с таким же энтузиазмом уничтожили. Но Майк этого уже не застал...

Несколько дней Майк изучал и анализировал технические условия проекта. Он составил примерный план его выполнения, определил, сколько для этого понадобится специалистов и в каких профессиях, и ему стало ясно, что в Москву он приехал зря. Силами работников здешнего офиса выполнить проект было невозможно. Не потому, что они глупые или малообразованные. Просто среди них не было специалистов в нужной области.

Стараясь не поддаваться панике, Майк позвонил в Лондон и поведал мистеру Слику о своём тревожном открытии.

— Тим, — сказал он как можно спокойнее, — я всё изучил. Это проект не для вашего московского офиса. Это для большой специализированной компании. Так что мне здесь делать нечего. Я возвращаюсь в Нью-Йорк.

Ответ Тима прозвучал совершенно неожиданно. Весёлый, ироничный мистер Слик заорал, срывая голосовые связки:

— Ты что, охренел?! — (Не знаю, как он это выразил на своём утончённом языке Туманного Альбиона.) — Ты что, идиот, хочешь, чтобы мы потеряли многомиллионный проект «Сексона»? Выбрось это из головы! Сиди в Москве и не рыпайся, пока мы не решим, что делать дальше!

— А когда вы решите?

— Я позвоню, когда решим. Жди.

Тим с размаху (это было слышно) бросил трубку.

Майк беззвучно выругался и вспомнил знакомую с молодости русскую премудрость: нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Ждать он не любил. Было всё ещё утро, но в офисе делать больше было нечего. Майк надел пиджак, сказал Даше «меня сегодня здесь не будет» и отправился домой, где тоже было

нечего делать. В конце концов, сменить один вид безделья на другой — это тоже занятие.

Придя домой и начав отпирать дверь квартиры с помощью своих двух кованых ключей, Майк наткнулся на странное явление. Один замок оказался не запертым, а другой не позволял ключу войти в скважину. После нескольких попыток Майк сдался и в растерянности стоял на площадке, стараясь придумать, что делать дальше. Тут раздался лязг открываемого замка, и дверь отворилась изнутри. На пороге стоял какой-то белобрысый господин в тёмном глаженном костюме и при галстуке. Господин приветливо улыбался.

— Заходите, заходите, — предложил он. — Я как раз всё закончил.

И, не прерывая улыбки, разъяснил далее:

— Я водопроводчик, *пламбер*, по-вашему. Если сомневаетесь, то вот, пожалуйста, моё служебное удостоверение, а вон мои инструменты.

Он показал в сторону ванной комнаты, дверь которой была открыта, и на полу были аккуратно разложены какие-то гаечные ключи и плоскогубцы.

— У вас тут туалет немного подтекал, — продолжал незнакомец, — вот я его и починил. Так что не беспокойтесь. Больше не течёт.

— У меня ничего не текло, — сказал Майк, медленно приходя в себя от шока. — И я никого не вызывал.

— Как это не текло? — обиделся белобрысый, собирая свои инструменты. — Конечно текло. Мы лучше знаем, где течёт, а где подтекает.

— И что вы сделали, чтобы не подтекало? Поменяли прокладку?

— Да, поменял подкладку.

— Не подкладку, а прокладку.

— Что надо, то и поменял, — сказал водопроводчик, начиная раздражаться.

— Можно на неё посмотреть?

Водопроводчик молча собрал свои инструменты и двинулся на выход.

— Покажите старую прокладку! — крикнул ему вдогонку Майк, но тот уже спускался по лестнице и не ответил.

Оставшись в одиночестве, Майк тщательно обыскал квартиру и внутренность своих чемоданов. Всё было на месте, ничто не исчезло и не было потревожено. Никаких «жучков» или скрытых камер он тоже не нашёл.

Преодолевая всё ещё кипевшее возмущение, Майк позвонил в агентство «Семейная радость».

— С какой стати, — сказал он, и голос его дрожал, — с какой стати посторонние люди без разрешения вторгаются в мою квартиру, тем самым грубо нарушая мою... моё...

Майк продолжал источать негодование, но никак не мог подобрать русское слово, эквивалентное английскому *privacy*. Позже он понял, что слова отражают предметы или явления, существующие в обществе. Если нет явления, то нет и слова. Значит, нет прямого перевода английского слова *privacy*. В российском обществе оно, похоже, не требуется.

На помощь пришла работница агентства «Семейное счастье».

— Я вас понимаю, — сказала она ласковым ангельским голосом. — Вы хотите сказать *прайвеси*. Я извиняюсь, что мы нарушили ваше *прайвеси*. Конечно, нарушать *прайвеси* нехорошо. Но у вас подтекал туалет, и его необходимо было починить.

— Надо было сначала позвонить, — сказал Майк, смягчаясь от хрустального звука ангельского голоса.

— Мы никак не могли, — огорчился ангельский голос. — Вы были на работе. Но вы не беспокойтесь. Туалет исправлен, и мы больше не будем нарушать ваше *прайвеси*.

Действительно, водопроводчик в галстук больше не появился, и Майк перестал обижаться на агентство «Семейное счастье». Цель непрошенного визита загадочного водопроводчика осталась тайной.

6

Тим Слик позвонил на следующий день.

— Слушай меня, Майкл, — сказал он, придыхая от многозначительности своего сообщения. — Это наш последний разговор, поэтому слушай внимательно. Отныне проект полностью твой. Я больше не имею к нему отношения. Ты — менеджер проекта и ты же — его главный инженер. Ты распоряжаешься бюджетом. Бюджет большой. В масштабе твоего мышления — практически неограниченный. Ты можешь нанимать любые русские инженерные фирмы — какие сочтёшь нужными. Единственный, кому ты будешь подчиняться и с кем советоваться, — это наш заказчик, «Сексон». Он же будет утверждать твои расходы. Я вижу, что ты хочешь что-то сказать. Не говори. Слушай дальше и не перебивай меня.

Сначала Майк подумал, что мистер Слик сошёл с ума и теперь несёт околесицу. В своей жизни Майк сталкивался с подобными явлениями. Бывало, человек, которого он давно и близко знал, вдруг начинал излагать что-то такое, сначала казавшееся серьёзным и пугающим, потом странным, и только

потом — опять пугающим, но теперь уже не от смысла сказанного, а от понимания, что человек сошёл с ума и может быть опасен в своём безумии. Не выдержав далее, Майк сделал глубокий вдох и перебил собеседника:

— Тим, а ваш заказчик «Сексон» знает об этом?

Он ожидал нового взрыва ярости, но Слик, к его удивлению, ответил довольно спокойно:

— Представителя «Сексона», который будет курировать проект, зовут Джеймс Гордон. Он базируется в Канаде. На днях он придет в Москву — специально, чтобы познакомиться с тобой. Пока что я тебе советую начать поиск компании, которой ты сможешь доверить проект. Мне больше не звони. Желаю удачи.

В подтверждение слов Тима в тот же день Майк получил короткий и-мейл:

“I will be in Moscow this Wednesday. Looking forward to meeting you. Jim Gordon, Project Supervisor, Sexone Corporation”.

7

В жизни Майка не раз случались ситуации, загонявшие его в тупик. Иногда это происходило по его собственной оплошности, а иногда — по не зависящим от него обстоятельствам. И в том, и в другом случае жизнь ставила перед ним ехидную дилемму: или сдавайся, или выкручивайся. С годами Майк научился выкручиваться. Он усвоил и взял на вооружение простое правило: не спеши. Не форсируй события. Не делай лишних движений. Замри, затихни, сожмись в комок и медленно думай. Выход из положения вынырнет сам и, как правило, не там, где ты его ждёшь. Эта стратегия всегда выручала Майка. Но это было дома, в Америке. Здесь же — в чужом, хоть и знакомом мире, он растерялся. Одно дело — знать, что надо делать, другое — знать, как это сделать.

За отсутствием надёжных знакомых, с кем можно было бы посоветоваться, Майк обратился к менеджеру офиса Патрику

МакТригеру. Стараясь нечаянно не произнести слова «банк» или «врач», он объяснил ситуацию и спросил, не может ли Патрик порекомендовать российскую инженерную фирму, которая специализируется на морских сооружениях.

— Зачем это вам? — с подозрением спросил Патрик.

— Ну... как бы вам сказать... — Майк растерялся. — Чтобы запроектировать док, причал, подходной канал... ну и всё такое.

— Мы здесь такими вещами не занимаемся, — хмуро сказал Патрик. — Ничем не могу вам помочь. Спросите у Параши.

— У кого?

К удивлению Майка, это забытое слово полыхнуло в памяти. На дворовом жаргоне его молодости оно означало обман, враньё. Ещё он знал, что в советских тюрьмах так называли отхожую бадью с нечистотами.

— У Параши, — повторил Патрик, у которого это имя, очевидно, не вызывало ассоциаций. — Я её к вам пришлю.

Через несколько минут в кабинет Майка постучала и вошла миловидная полноватая шатенка со светлыми, почти прозрачными глазами. Она улыбалась, что отличало её от прочих обитателей офиса.

— Здравствуйте, мистер Гросс, — сказала шатенка. — Меня зовут Прасковья. Можете называть меня Параша. Патрик сказал, что вам нужна моя помощь.

Майк ещё раньше обратил внимание на эту женщину. Она была заметно старше других, выглядела как-то значительно и сидела в кубике, значит была старше не только на вид, но и по должности.

— Да-да, конечно, — сказал он. — Рад познакомиться. Понимаете... э-э...

— Параша, — напомнила шатенка.

— Можно я буду называть вас Прасковья?

— Назови хоть горшком, только в печь не ложь, — сказала Параша и рассмеялась низким, неженственным смехом, который никак не гармонировал с её привлекательной внешностью.

Майк предложил ей сесть и, как мог, изложил свою просьбу. Ему нужны, объяснил он, названия и номера телефонов проектных организаций, которые специализируются на портах и морских сооружениях. Желательны также имена их директоров или главных инженеров. Майк будет признателен Прасковье за помощь и просит её, на всякий случай, не оглашать его просьбу в офисе.

— Понимаю, — сказала Прасковья, и глаза её заблестели от гордости за доверенную ей тайну. — Можете не беспокоиться. Могила.

Она помолчала, но уходить, похоже, не собиралась. Майк тоже молчал, делая вид, что перебирает какие-то бумаги.

— Можно вас кое-что спросить? — помявшись, сказала Прасковья. — Вы из Америки, правда?

— Правда.

— Только вы не обижайтесь, ладно?

— Хорошо, не буду обижаться.

Прасковья немного поёрзала на стуле и наконец выдавила:

— Почему американцы всё время врут?

— С чего вы взяли? — удивился Майк.

— Вы не подумайте ничего такого, мистер Гросс, — торопливо заговорила Прасковья. — Я против вас ничего не имею. Вы очень приличный мужчина, хоть и американец. Но вот смотрите сами: кто разрушил мировой центр торговли? Ведь всем же ясно, что сами американцы и взорвали. И теперь придумывают сказки про какие-то самолёты и про каких-то арабов. А никаких самолётов и не было.

— Как не было? — оторопело спросил Майк. — А кто же... как же...

— Самолёты эти — просто для вида, — снисходительно разъяснила Прасковья. — В них ни пассажиров, ни пилотов не было. Они компьютерами управлялись, из Вашингтона.

Собеседница Майка говорила с такой страстной убеждёностью, что ни у одного разумного человека не возникло бы желания ей возразить или хотя бы усомниться в её правоте.

— Это же очевидно, — продолжала она. — У нас все это знают, спросите любого. А ваша пропаганда вешает вам лапшу на уши...

За годы, прошедшие после кошмарного одиннадцатого сентября, Майк не раз слышал о каких-то полусумасшедших идеологах теории заговоров, которые утверждали нечто подобное: дескать, башни взорвало ЦРУ для того, чтобы... Далее следовали объяснения, но к ним никто не прислушивался. Мало ли что несут единицы идиотов. Но здесь, если верить Параше, это были не единицы, а большинство. И сейчас перед ним была представительница этого удивительного большинства.

— Кто же это сделал? — спросил Майк, не желая вступать в спор с собеседницей. — ЦРУ? Пентагон? Или конгресс США?

— Откуда я знаю? — Параша нахмурилась. — Какая разница? Ваши хозяева и взорвали. Чтобы свалить на арабов и оправдать войну.

— У нас нет хозяев.

— Неважно. Называйте как хотите. Вы видели, как эти башни упали? Точно по вертикали. Ясно, что их подорвали снизу.

— Вы хотите сказать, что наше правительство целенаправленно убило три тысячи своих граждан?

— В том-то и дело, что не своих! — Параша начала горячиться. — Ведь это что было — мировой центр торговли. Значит, там работали одни иностранцы. Ну, может, сколько-то было своих. Но они-то не погибли. Их заранее предупредили.

— Откуда вы всё это знаете?

— У нас все знают.

— Ну, хорошо, Прасковья, — сказал Майк, начиная чувствовать что-то вроде брезгливости от этого разговора. — Итак, жду от вас требуемой информации. Заранее спасибо за помощь.

— А эти ихние полёты на Луну, — продолжала Параша. Похоже, она не собиралась уходить. — Тоже враньё. Неужели вы верите, что американцы правда высаживались на Луне?

Зазвонил телефон. Майк с облегчением взял трубку и прежде, чем ответить, слегка кивнул Прасковье, давая понять, что их встреча закончилась. Та, наконец, нехотя поднялась и покинула кабинет. Звонил англоязычный человек с красивым низким голосом и американским выговором.

— Мистер Гросс, это Джим Гордон из «Сексона». Я в Москве и хотел бы встретиться с вами. Как насчёт ланча завтра в час тридцать в ресторане «Фантазия»? Это недалеко от вашего офиса.

8

Майк нервничал. Предстоящая встреча с заказчиком нагнетала страх от сознания ответственности. Не то чтобы он раньше не встречался и не совещался с заказчиками, наоборот, это происходило постоянно. Но тогда между ними незримо присутствовало какое-то высшее руководство Майка, будь то начальник отдела или менеджер всего института, и Майк чувствовал

себя за их спиной в безопасности. Теперь же он оставался один на один с абсолютным хозяином положения, и не с кем было посоветоваться, и некому было пожаловаться.

Джеймс Гордон сидел в дальнем углу ресторана, держа перед собой *Wall Street Journal*—условный знак, по которому Майк его опознал. Они представились друг другу. Мистер Гордон велел называть его Джим и сам стал звать Майка по имени. Некоторое время они обменивались пустыми фразами, вроде «Прекрасная погода, правда?» и «Надеюсь, вы легко нашли этот ресторан?», фразами, которые ничего не значили, но являлись как бы необходимым ритуалом или, скорее, тестом перед знакомством. Так купальщик пробует ногой температуру воды, прежде чем в неё войти.

Гордон выглядел совсем не тем, за кого выдавал его красивый звучный голос. Это был небольшого роста худощавый мужчина с невыразительными, слегка заострёнными чертами лица и внимательным взглядом бледно-голубых глаз. Держался он просто, не проявляя эмоций, и при этом вполне дружелюбно. Майк почувствовал, как его напряжение начало спадать. Они заказали еду, и Майк наконец решился первым задать вопрос:

— Вы раньше бывали в Москве?

Вопрос был глупый, и Майк сразу это сообразил. Но Джим на глупость не отреагировал и охотно ответил:

— О, да, много раз.

Потом улыбнулся и добавил:

— Но всегда не дольше, чем два-три дня. Честно говоря, я не очень люблю этот город. Слишком шумный. Как я понимаю, вы отсюда родом?

— Отсюда, — признался Майк. — Как видите, до сих пор не могу избавиться от акцента, хотя уехал почти сорок лет назад.

— А зачем вам от него избавляться? Берегите свой акцент, он вам придаёт значительность. Так сказать, выделяет вас из толпы.

Майк хотел сказать, что это как раз то, чего он безуспешно добивался все годы жизни в Америке — не выделяться из толпы. Быть как все. Быть настоящим, рядовым американцем, который любит бейсбол, яблочный пирог и Шевроле. Но каждый раз, когда он при первом знакомстве открывал рот, следовал один и тот же вопрос: откуда вы? Майка тошнило от этого вопроса. Он всегда стеснялся «быть из России», но не умел врать и каждый раз мучительно признавался: «Я из Советского Союза. Теперь это называется Россией». Или наоборот: «Я из России. Раньше это называлось Советским Союзом».

На всякий случай Майк не стал комментировать замечания Джима и промолчал.

— Часто бывали в Москве после того, как её покинули? — спросил Джим.

— Ни разу.

— Ага. Значит, ностальгия не беспокоит?

— Не очень, — согласился Майк и добавил свою дежурную остроуту: — Изжога иногда беспокоит, геморрой, боль в суставах, а вот ностальгия — никогда.

Джим вежливо засмеялся. Потом, немного помолчав, заговорил:

— Майк, я ознакомился с вашим послужным списком. Он впечатляет. У вас редкая для инженера специализация. Она дополняется знанием русского языка, что делает вас уникальным кандидатом для нашего проекта. Благодаря вам мы выбрали вашу компанию. Надеюсь, что мы не ошиблись. В дополнение к вашему профессиональному опыту — у вас прекрасная личная репутация. Ваши клиенты не скупятся на похвалы вашей исполнительности и верности моральным принципам.

Майк впитывал слова Джима с почти физическим наслаждением. Но в то же время в этих неумённых похвалах слышался какой-то подспудный оттенок, похожий то ли на угрозу, то ли на предупреждение. Чуть, успокаивал себя Майк, это просто моя мнительность.

— Берегите свою репутацию, — продолжал Джим. — В этой стране её легко испортить. Здесь очень много подводных камней. И слишком много соблазнов.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сами увидите, — сказал Джим, упираясь в Майка своим проникающим бледно-голубым взглядом.

Далее он объяснил, что у Майка будет полная свобода в работе над проектом, включая свободу выбора исполнителей, то есть инженерных компаний и независимых консультантов. Единственное, что потребует утверждения Джеймса Гордона, будет их оплата. Каждая смета должна будет представлена Джиму на подпись.

— Но это чистая формальность, — тут же поспешил заверить Джим. — Я уверен, что вы с полной ответственностью отнесётесь к нашим расходам. Если возникнут проблемы, звоните в любое время.

— Спасибо. Когда вы в следующий раз приедете в Москву?

— Не знаю, — Джим пожал плечами. — Мне, вообще-то, здесь делать нечего. Мой главный Российский офис в Южно. Другие два в Торонто и во Владивостоке.

— Простите, где это Южно?

— Ах да, виноват. Так мы называем Южно-Сахалинск. Произносить его полностью занимает слишком много времени. Кстати... Месяца через два я попрошу вас приехать в Южно познакомиться с нашим штатом и заодно познакомить нас с тем, как продвигается проект. Я вам сообщу точную дату позже. Приятно было познакомиться. До встречи на Сахалине.

9

Параша явилась на следующий день. Сияя от гордости за выполненное поручение, она положила Майку на стол список инженерных компаний, которые, по её расчёту, могли Майка заинтересовать. В поиске этих компаний она ориентировалась

на ключевые слова и словосочетания, которые он ей задал, такие как «порт», «причал», «канал», «док» и т.п. Поэтому в список попали организации, далёкие от искомой специальности, как, например, институт по исследованию и лечению мочеиспускательных каналов. Отсев их, Майк получил список из пяти компаний с названиями, подававшими надежду.

Когда-то, в годы своей до-эмигрантской жизни в Советском Союзе, Майк был знаком с подобного рода организациями, но теперь ни одно из этих названий не вызывало воспоминаний. Их адреса тем более ни о чём не говорили. Звонить можно было в любую — наугад.

Некоторое время Майк сидел, тупо уставившись в список. И вдруг... Адрес одной из этих загадочных компаний показался Майку знакомым. Майк закрыл глаза, и... спрятанный где-то в закоулках памяти, этот адрес начал приобретать резкость. Да, это был адрес организации, в которой Майк работал десятки лет назад. Правда, название её Майку ничего не говорило. Он позвонил.

— Шторм-проект. Я вас слушаю, — ответил звонкий, хорошо обученный голос, явно принадлежавший молодой блондинке.

— Извините за беспокойство, — начал Майк и в ту же минуту понял неуместность своего извинения. — Как давно существует ваша... э-э... ваш институт?

— Простите, не знаю, — несколько не удивившись, отвечала блондинка. — Я здесь всего два года.

— А вы не знаете, как он раньше назывался?

— Простите, не знаю. Я здесь всего два года.

— Тогда, может быть, вы знаете или случайно слышали, работал ли здесь когда-нибудь человек по фамилии Плотников?

— О, конечно знаю, — сказала блондинка с явным облегчением. — Борис Михалыч Плотников — генеральный менеджер института. К сожалению, я сейчас не могу вас соединить, он на совещании. Что-нибудь передать Борису Михалычу?..

Книги Александра Матлина

На троих с ЦРУ. — М.: Вагриус, 2009.

В книгу вошли 21 рассказ, 13 стихотворений и «Китайские истории» (путевые заметки). Рассказы иллюстрировал Михаил Беломлинский.

2 = 1. — Нью-Йорк: MIR Collection Publishing House, 2014.

В книгу вошли 21 рассказ по-русски и 10 рассказов в переводе на английский. Рассказы иллюстрировали Вальдемар Крюгер и Михаил Беломлинский.

Войти в реку времени. — Чикаго: Bagriy & Company, 2019.

В книгу вошли 25 рассказов, в том числе 10 рассказов из предыдущих сборников. Рассказы иллюстрировали Вальдемар Крюгер и Михаил Беломлинский.

Проклятие серых колготок. — Чикаго, Bagriy & Company, 2023.

В книгу вошла повесть с одноимённым названием и 12 рассказов, в том числе 10, не вошедших в предыдущие сборники. Рассказы иллюстрировал Вальдемар Крюгер.

Американец Майкл Гросс. — Бостон, M-Graphics, 2026.

В книгу вошла повесть с одноимённым названием и 11 рассказов из личных воспоминаний автора. Повесть иллюстрировал Вальдемар Крюгер.

Любую книгу с автографом можно купить у автора, связавшись с ним по электронной почте по адресу amatlin@verizon.net.

Эта книга включает повесть Александра Матлина «Американец Майкл Гросс», написанную в 2025 году. Герой повести — успешный американский инженер, выходец из России. Волею судеб он впервые за тридцать пять лет попадает на свою родину, которая оказывается совершенно чуждой и непонятной ему страной. Здесь героя ждут неожиданные происшествия.

Книга также содержит одиннадцать рассказов-воспоминаний из личной жизни автора. Это реальные истории об удивительных местах, где побывал автор, о неординарных людях, с которыми свела его судьба, и необычных событиях, свидетелем или участником которых он стал.

Рассказы А. Матлина регулярно публикуются в русскоязычных изданиях в США, Канаде, Израиле и Германии и неустанно бороздят интернет, порой без имени автора.

ISBN 978-1-970342-07-9

